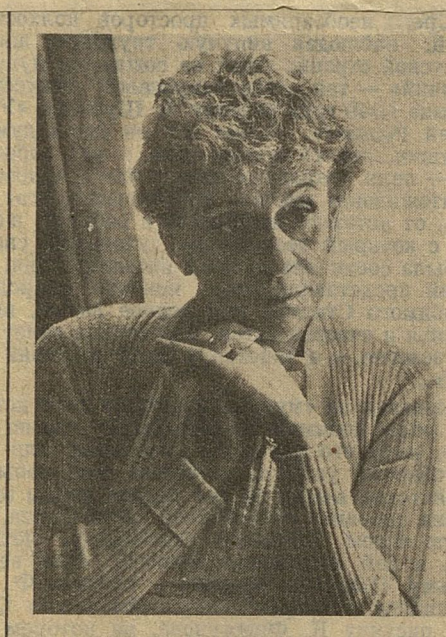

Сов. культура. - 1989. - 24 июня - с. 9

Конкурсы на то и конкурсы, чтобы преподнести сюрпризы, порой и вовсе не предсказуемые. Международному конкурсу артистов балета в Москве мы стали обязаны знакомством с его почетной гостьей, руководителем балетной труппы Бразильского муниципального театра, правнучкой великого русского писателя Николая Лескова, единственной оставшейся в живых из его потомков, — Татьяной Лесковой. Впервые она приехала в нашу страну на прошлый московский конкурс по приглашению О. Лепешинской, была замечена, но в «центр» внимания не попала. Сейчас, четыре года спустя, когда она вновь гостит у нас, есть возможность — и необходимость — исправить это упущение.

— Татьяна Юрьевна, расскажите, пожалуйста, историю вашей семьи. Как случилось, что Лесковы оказались за границей?

— У Лескова был один сын — Андрей, первый и дотошный его биограф. Благодаря ему наша семья и была так хорошо осведомлена об обстоятельствах жизни писателя. У Андрея Николаевича детей было двое. Ярослав умер от тифа 18 лет во время первой мировой войны. Юрий, мой отец, закончил лицей — он готовил себя к карьере дипломата и незадолго до революции выехал в Сербию с дипломатическим поручением. Мама, урожденная баронесса Мэдэм (Мэдэмы происходили из Прибалтики), отправилась вместе с ним.

Революция застала их уже в Италии, где они прожили несколько лет, а затем стали собираться в Париж в надежде отыскать там своих родных. Так оно и вышло. Мама случайно столкнулась с бабушкой — своей матерью — в русской церкви. Оказалось, в Париж перебралась вся семья. Впоследствии родители неоднократно хотели вернуться в Россию, но не получилось.

Жили мы довольно стесненно, как и большинство русских эмигрантов. Мама и ее сестра демонстрировали одежду. Другая сестра и обе бабушки шили. Отец, владевший пятью языками, хорошо знавший историю, греческую и римскую мифологию, стал гидом, сопровождал богатых туристов по Италии и Греции. Бабушки учили меня русскому языку, и с родителями я тоже, конечно, говорила по-русски. Отец вообще много занимался со мной, читал, рассказывал — это была главная моя школа, особенно преуспела я в мифологии. Обыкновенная жизнь и радости были, и невзгоды. Было и горе, вызванное потерей близких. Очень много трудилось все. И я работала всю свою жизнь и продолжаю сейчас.

— Что означает для вас быть русской? И ощущаете ли вы себя русским человеком?

— Быть русским по рождению и не быть в жизни невозможно. На русском человеке словно печать лежит — он особенный, «другой», отличается от прочих людей и строем мыслей и чувств, и своими реакциями. Русский — это не просто национальность, это характер, темперамент, душа, это судьба, как я слышала, у вас говорят. Только не спрашивайте, пожалуйста, какими свойствами обладает русская душа. Лучше, чем об этом сказано в русской литературе, я вам не отвечу...

Кем я себя считаю? Безусловно, я не бразильянка, хотя более сорока лет прожила в Бразилии и не чувствую себя там «гостьей». Я бы сказала, что я «русско-французенка». Русская — по происхождению, по «голосу» крови, по «родству» с русской литературой, приверженности русской школе балета, наконец, потому, что говорю по-русски. Во Франции я родилась, выросла, впервые пришла в балетный класс, здесь покоятся мои ро-

дители. Здесь начиналась моя жизнь, а воспоминание о начале жизни человек хранит как самое дорогое и светлое до последнего дня. Это, знаете, как в балете. Основа его — классика, без нее он не может существовать. Но он не сможет существовать и если не будет развиваться, обогащаться тем новым, что появляется в искусстве танца. Родившись на Западе, классический балет в самую выстроенную, совершенную систему сложился в России, возникла школа танца, русская «по национальности». Ну а модерн, тот все-таки иного происхождения... И человек, если он не «мертв» от рождения, не может не впитывать то, что его окружает. Волею судьбы я должна была стать французенкой и стала, но при этом осталась и русской — членом русской семьи, хранителем ее истории, традиций, памяти, полученной в наследство, — память о слышанном, но никогда не виденном мною.

— Назовите, пожалуйста, ваших любимых русских писателей. Как воспринимается творчество такого русского писателя, как Лесков, за рубежом? Читаете ли вы на родном языке?

— Так много сказать о человеке, как Толстой и Достоевский, не сумел никто. Я постоянно читаю и перечитываю их произведения. Что касается Лескова, я не знала, что он великий русский писатель, я хочу сказать, не знала, что его творчество столь популярно в России. На Западе он практически неизвестен. Лишь однажды я наткнулась на статью о нем в журнале «Тайм», там был напечатан и его портрет. Пожалуй, исключение составляет только Германия, где его почему-то много переводили. А вообще дело доходит до курьезов. Когда я «торжественно объявляю», что являюсь родственницей русского писателя, автора знаменитой «Леди Макбет Мценского уезда», меня поднимают на смех, считая, что я нелепым образом посягаю на родство с самим Уильямом Шекспиром. Что делать — большинству моих знакомых известна только одна леди Макбет!

По-русски читаю с трудом, видимо, дело тут в привычке к латинскому шрифту. Предпочитаю переводы. А вот Лескова — только в подлиннике, хотя уж он совсем тяжело дается. Это две стороны одной медали: у него необычный, очень индивидуальный и потому трудный для неподготовленного восприятия язык, и в то же время язык как раз и есть одно из главных достоинств его сочинений.

— Как складывалась ваша собственная жизнь?

Как вы пришли в балет? Были ли у вас какие-либо увлечения, помимо балета?

— За всю мою жизнь у меня было только два сильных увлечения — балет и любимый человек.

Любовь в конце концов заставила меня навсегда осесть в Бразилии.

Вскоре после смерти мамы (мне не было и десяти лет) меня отдали в балетную студию Любови Егоровой. Танцевать я очень любила, и мои родные, считая, что у меня это получается неплохо, решили попробовать: а вдруг выйдет балерина? В июне 39-го года — мне уже шестнадцать — в класс на урок пришли режиссер Русского балета Монте-Карло Сергей Григорьев и балерина Любовь Чернышева. Я понравилась и получила приглашение в труппу. И сейчас же вместе со всеми отправилась на гастроли в Лондон, где на сцене «Ковент-Гарден» и состоялся мой дебют в балете Л. Мясина «Хореартуим» на музыку 4-й Симфонии Брамса. Завершив выступления в английской столице, труппа должна была выехать в Берлин. Но помешала война. Мы двинулись в Австралию, оттуда в США, Канаду. Начались годы странствий. До самого конца войны мы гастролировали по странам Южной Америки, не имея возможности никуда вернуться в Европу, но даже переписывались с родными. О том, что в 42-м году в Париже умер отец, я узнала лишь год спустя. В Буэнос-Айресе, где балет Монте-Карло выступал на сцене театра «Колон» (а я в свободные вечера еще и в двух французских драматических труппах, куда меня пригласили из-за моей ярко выраженной «характерности»), я познакомилась с человеком, с которым впоследствии надолго связала свою жизнь. Он был шахтовладельцем, жил в Бразилии, где мы и встретились вновь. Я поня-

ла, что гастроли продолжать больше не смогу, и покинула Русский балет Монте-Карло. В 45-м году я была принята в труппу Муниципального театра в Рио-де-Жанейро. В 52-м открыла свою балетную студию. В 53-м стала руководителем балета нашего театра. Через 30 лет попросила отставку, получила ее, а некоторое время спустя по просьбе труппы опять вернулась на этот пост.

— У вас, конечно, было немало встреч с интересными людьми — деятелями искусства, выдающимися балетными артистами. О ком бы вы хотели рассказать в первую очередь?

— Ну, конечно, о «своих», балетных. Фокин, Мясин, Баланчин... Но мне труднее рассказывать о них как о простых смертных, с которыми можно запросто поболтать, пошутить, вместе поужинать в ресторане. Это сейчас в балетном мире, да и не только в нем, принята фамильярность, простота в обращении. Во времена моей молодости было иначе. Балетмейстер был Бог. Перед ним благоговели.

Что я помню о Фокине, например? Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что он в сущности был очень милым человеком. А тогда казался невероятно суровым. Впрочем, и это правда. Он предъявлял очень высокие требования к нам, артистам. Угодить ему было нелегко. Однажды — как раз во время тех лондонских гастролей — он остановил меня, когда я переходила сцену из кулисы в кулису, и велел подойти. Сердце мое сжалось, я стала лихорадочно соображать, чем могла прогневить нашего мэтра. И едва поверила своим ушам, услышав: «Лескова, а у вас хороший прыжок!». Как известно, «Фавна» поставил Никишинский, но мне всегда казалось, что настоящий Фавн — это Фокин. Крепко сбитый, плотный, но не толстый, а что называется, в теле. Таким я знала и запомнила Фокина.

Леонид Мясин был необычайно красив, так же, как его изумительные балеты. Танцевать в которых доставляло величайшее наслаждение. К сожалению, его наследие постепенно утрачивается, поскольку мало сохранилось записей, почти нет фильмов. Мясин сам забывал свои балеты и часто спрашивал меня: «А ты помнишь, что тут было, какое движение?» Я всегда славилась отличной памятью и действительно могла подсказать, где «что» было. В 60-м году, случайно встретив меня на улице в Париже, он попросил помочь ему возобновить в Нерви, в Италии, знаменитый некогда «Хореартуим». Совместными усилиями мы «вспомнили», воспроизвели этот балет. В прошлом году по приглашению Р. Нуриева я возобновляла в «Гранд-Опера» другую постановку Мясина — «Предназначение» на музыку 5-й Симфонии Чайковского.

Более дружеские, даже теплые отношения сложились у меня с Жоржем Баланчиным, скорее всего потому, что он был довольно молод, когда мы познакомились, и возрастной барьер не мешал нашему общению. В 40-м году я танцевала в его балете на музыку Стравинского в Нью-Йорке. Потом мы встретились в Аргентине, где я убедилась, что он великолепен и в салонных танцах. Я любила разговаривать с Баланчиным, он отличался ясным, аналитическим умом и был очень интересным собеседником. Был он и добрым, участливым. Когда в 59-м году, спустя 17 лет, мы снова встретились в Нью-Йорке, первый вопрос, который он мне задал, не нужна ли мне работа. И ясно, что готов был помочь, если бы вдруг оказалось, что нужна.

— А кто из советских артистов балета вам особенно нравился или нравится сейчас?

— Прежде всего Уланова. И прежде всего в «Жизели». Стоило ей только показаться на сцене, как вы уже понимали, что сейчас произойдет что-то необыкновенное. Максимов, Васильев, Плисецкая, Семеновы в «Лебедином озере». Из ленинградцев — Коллакова. Очень понравились мне Алтынай Асылмуратова и Фарух Рузиматов. Я пыталась пригласить их выступить в «Лебедином озере» на сцене нашего театра, но никак не могла уладить это дело с Госконцертом. Так все и заглохло.

В этот приезд я побывала на концерте учащихся Московского хореографического училища в Большом театре, многие ребята меня просто потрясли. Конечно, неизвестно пока, что из них получится, но есть все основания надеяться на лучшее.

— А бразильский балет? Каково положение классического балета в вашей стране? Истати, вы сказали, что вам всю жизнь приходилось очень много работать. Вы бы ушли из балета, будь у вас такая возможность?

— Я всегда стремилась ни от кого не зависеть и действительно была очень самостоятельна. Обосновавшись в Рио, я выписала свою семью —

то, что от нее к тому времени осталось: бабушку, тетю, дядю и двоюродную сестру. И надо было их как-то поддерживать. Я была в семье за мужичину: я имею в виду деловые качества, волю, умение добиться поставленной цели. Но если бы даже я не нуждалась в средствах к существованию, никогда бы совсем не оставила балет. Не смогла бы. Я была счастлива, когда танцевала и когда ставила спектакли, я счастлива, когда я в классе даю урок или смотрю удачное выступление артистов нашей труппы. Это мое дело, которому отдана вся жизнь.

Я, как могла, пыталась утвердить классический балет в Бразилии. К нему здесь относятся с интересом, но настоящего распространения он не получил: государственный театр один, так же, как и государственная школа. И множество частных студий, которые не ставят задачи готовить профессионалов. Точнее, не ставят такой задачи родители, отдающие в эти студии своих детей. Особенно трудное положение с мальчиками. Существует стародавнее предубеждение: якобы балет — это не мужское дело. Как правило, молодые люди приходят в школы, достигнув совершеннолетия или, во всяком случае, хоть какой-то самостоятельности.

В моей студии тоже преобладают девочки, но мы не унываем и все же надеемся на лучшие времена. У меня работают пять педагогов, все они обучают классическому танцу, в основном опираясь на традиции русской школы. Занимаются в студии триста детей, каждый ребенок — два раза в неделю. В такой периодичности посещения, в частности, сказывается отсутствие ориентации на профессиональную сцену. Тем не менее в нашей школе обучались такие «звезды», как Марсия Хайде, ныне руководитель Штутгартского балета, Изабэль Забра, прима-балерина театра «Ла Скала», и другие знаменитости.

Но главное мое поприще — это театр. В театре я с утра до вечера и в последнее время только в перерывах между уроками и репетициями, репетициями и спектаклями бываю в студии. Всегда посещаю классы, смотрю все спектакли. В зале сидят педагоги и тщательно фиксируют допущенные артистами ошибки. Ведь актеры как дети. Это, конечно, прекрасно. Но за ними, как и за детьми, необходимо следить. Стоит ослабить контроль, и...

Чем мне еще постоянно приходится заниматься, так это «браниться» с директором театра. У нас очень маленький репертуар — «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Сильфида», «Жизель» и еще несколько названий, почти нет современных спектаклей. Правительством никак не увеличивает весьма незначительную субсидию, и мы очень стеснены в средствах, о чем не устаю напоминать мне наш директор. Деньги добываю в тяжелых боях. Поэтому почти нет возможности ставить и возобновлять спектакли, и так часто, как хотелось бы, приглашать гастролеров.

— Как вы находите нашу страну, советских людей?

— Ваша страна поражает своей огромностью и богатством. Я знаю и чувствую, что это великая страна. Но почему у людей столько проблем? Из-за них они замкнуты, словно не очень расположены друг к другу. Но может быть, теперь у вас появилась надежда, что эти проблемы будут решаться? Моя, во всяком случае, как будто решилась. Столько лет я мечтала побывать в России, и все никак не удавалось. И вот стало удаваться.

Очарованная странница добралась наконец-то и до страны своих предков. Увидела почву, в которой произросли ее корни. То «невиденное», что хранила ее память. Поклонилась праху своего великого прадеда, побывала на его родине в Орле — городе, так богато одарившем русскую и мировую культуру. Разглядела и узнала свою землю.

Русская? Бразильянка? Французенка? Так ли уж это важно? Наверное, и та, и другая, и третья. Но главное — Татьяна, русская душою... Потому и пришла, потому и разглядела...

Беседу вела
Н. ШАДРИНА.

ОЧАРОВАННАЯ СТРАНИЦА